

ЗАМЕТКИ ПО РАБОТЕ ВЛАДИМИРА ИОХЕЛЬСОНА И ЕЕ АКТУАЛЬНОСТИ ДЛЯ СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРНОЙ И СОЦИАЛЬНОЙ АНТРОПОЛОГИИ

П. Платтэт

Я готовлю диссертацию по теме «Коряки – ритуальное исполнение нымыланов и чавчувенов» под руководством французского профессора Роберта Хамайона. Я представляю здесь основную работу В. Иохельсона «Коряки», а точнее, отрывок из этой книги «Праздник кита», который праздновался в ныне закрытом селе Кьюле. Иохельсон собирал свой этнологический материал во время северо-тихоокеанской экспедиции Джекзупа, организованной знаменитым американским антропологом Франсом Боасом в 1900-1901 годах.

Я представляю этот отрывок по двум причинам:

- потому, что «Коряки» – единственно полная монография о коряках;
- потому, что я изучал эту часть во время подготовительного периода моих исследований.

Прежде, чем я начну свою презентацию, мне хотелось бы уточнить основные задачи, по которым я поставил свое выступление. Вначале, я думаю, мы не должны забывать, что работе В. Иохельсона уже 100 лет. Это значит, мы должны связать ее с обстановкой того времени: политической, социально-экономической и научной, начала XX века. Это особенно важно, когда мы попытаемся сделать сравнение с нынешними праздниками морских коряков. Итак, я считаю, что «Коряки», как антропологический документ имеет важное значение в качественном описании и бесчисленной информации, которую Иохельсон представил нам о корякской мифологии, религии, материальной культуре и социальной организации. Но я также считаю, что книга имеет и историческое значение, а именно для истории культурной антропологии и этнографии северной Камчатки.

Праздник Кита

«Праздник кита» считался важным праздником у морских коряков. Литературный перевод с корякского означает «обслуживание кита». Каждый убитый кит праздновался с почестями. Основной праздник проходил обычно в октябре после добычи кита.

Основная часть праздника основывается на том, что убитый кит приходит в село и остается там на некоторое время. В течение этого времени он получает почести, затем возвращается в море, чтобы повторить свой визит на следующий год и приглашает своих родственников прийти с ним, рассказывая им о гостеприимном приеме, устроенном ему.

«Праздник кита» – не семейный праздник, а сельский. Все жители села участвуют в нем. Но хозяин кожаной лодки, из которой был убит кит, выступает как главное действующее лицо и берет все тяготы празднования на себя. Он приглашает своих соседей и празднование, которое длится несколько дней, проходит в его доме или в самом большом доме села.

Когда женщины этого хозяина видят лодки, буксирующие кита, они одеваются в вышитые кухлянки, штаны, торбаса, маски из осоки-травы, берут священные ветки ольхи и огонь из очага и идут на берег моря встречать кита. Женщины села, присоединившиеся к ним, также одеты в нарядные кухлянки. И все приветствуют кита, танцуют вокруг костра, сделанного из принесенного огня из очагов домов.

«Праздник кита», описанный Йохельсоном, начался 11 октября 1900 года. Белый кит был пойман в сети коряка Квайвилока, которые он поставил на нерп.

Рано утром несколько мужчин отправились на нартах к морю, чтобы привезти белого кита к селу. Когда они возвращались с тушей кита, несколько женщин в танцевальных кухлянках, но без масок вышли приветствовать кита с зажженными факелами. Женщины танцевали: кивали головой, двигали плечами, качали всем телом с распростертыми руками, то сидя на коленях, то вставая, и пели: «А, гость пришел!» и весело восклицали: «Ала, ла, ла, хо, ала, ла, лахо!». Одна из женщин, среди которых были две жены и две сестры хозяина сетей, в которые попал кит, взяла ветки ольхи и пучок священной травы, и нашептав заклинание, положила все это в пасть кита. По Йохельсону, это было, без сомнения, жертвоприношение, символизирующее еду, отданную киту.

Затем мужчины разделали кита, а женщины собрали кровь, разделили мясо, ворвань и кожу на части. Остальные жители села готовились к празднику. В течение дня была убита собака на морском берегу и принесена в жертву хозяину моря. Затем все село двинулось в дом Квайвилока, хозяина сетей, в которые попал кит. Женщины провели весь день за работой. Они плели сумки из травы для

путешествия белого кита, делали маски из травы, готовили ягоду, коренья и т. д.

Вечером этого дня, 11 октября, состоялся первый прием в честь гостей в доме Квайвилока. Внутри дома центральное место занимало священное место, на котором лежали талисманы, украшенные травяными галстуками, священный огонь – хозяин сетей, хранители дома: копьё, вонзенное в дух волка, и несколько других меньших хранителей. Среди них деревянное изображение белого кита, перед ним маленькая чашка, заполненная водой, и в травяной сумке маленькие вареные кусочки ноздрей, губ, плавников и хвоста белого кита. Интересно заметить, что жертвоприношение духу животного состоит из частей его собственного тела.

Икра рыбы, различные виды ягод и кореньев тщательно приготовлены. Добавлено немного воды и все это было тщательно замешано в массу, превращаясь в кашу, которую кит берет собой в путешествие. Эта каша называется «тил'к/итыл».

Когда все было приготовлено, женщины, присутствующие из разных семей, стали передавать из одного угла в другой подарки, состоящие из толкуши. После обмена подарками хозяин и другие мужчины взяли из портика головы белого кита и двух нерп и повесили их на балку с одной стороны очага. Затем послышались веселые восклицания женщин в доме: «Вот, дорогие гости пришли!», «Когда вы вернетесь в море, скажите своим друзьям, что мы их зовем к себе, мы приготовили такую же вкусную еду, как и для вас!», «У нас много ягоды!» и т. д.

Хозяин с травяным воротником на шее взял кусок жира белого кита и бросил в огонь, приговаривая: «Живи, мы зажгли этот огонь для тебя!». После этого он подошел к очагу, разложил кусочки жира перед хранителями, смазал их рты жиром. Все присутствующие приступили к трапезе.

Заключительная церемония вечера – предсказание на лопатке нерпы двумя стариками. Церемония снаряжения белого кита в обратное путешествие домой происходила на пятый день, утром 15 октября. В интервале между первым и пятым днями жители села не работали. Они приглашали друг друга в гости, угощались. Но большую часть времени проводили в доме, где шла главная церемония. Старики ели мухомор, и когда интоксикация проходила, они рассказывали о том, что их посетили «люди мухомора», и том, что они видели.

В доме Квайвилока очаг превратился в подобие алтаря. На нем лежали сумки для путешествия, сплетенные из травы и заполненные толкушей, которая была заранее заморожена. Головы белого кита и нерп находились на алтаре, обвязанные священной травой-осокой. Две сестры хозяина дома одели маски, потанцевали и произнесли заклинание. Когда заклинание было произнесено, женщины встали, сняли маски. Их брат взял тарелку с толкушей, тщательно ее обследовал с помощью стариков. Они обнаружили легкие прожилки на поверхности толкуши и остались довольными, приняв это за следы, оставленные духом, который принял еду с удовольствием. Это означало, что белый кит собирается вернуться в море, выполнив свою миссию. Нежелание белого кита вернуться в море могло бы стать следствием голода и других бедствий.

Заметки по «Празднику кита»

Обычно в антропологическом анализе ритуалов и церемоний пытаются указать на пункты, по которым организован ритуал и выделить основные элементы, по которым построен ритуал. Мы можем очень кратко попытаться сделать это на примере Праздника Кита, описанного Йохельсоном. Мы имеем три основных пункта: два пункта представлены в первый день – 11 октября:

- а) встреча белого кита на морском берегу (утро);
- б) приглашение в гости белого кита в дом Квайвилока (вечер); на пятый день представлен следующий пункт:
- в) снаряжение белого кита в обратное путешествие.

Конечно, эти три основных пункта могли бы быть разделены на более маленькие. Но это не так важно для моего выступления. Что мы можем сказать об этих трех пунктах. Первое, мы можем увидеть в самом начале пункта «а», что только семья охотника присутствует и участвует во встрече белого кита до того момента, когда к ним присоединяются женщины из других семей.

Второе, мы можем заметить в третьем пункте важность двух элементов: еды и танцев. Йохельсон показывает нам, что эти два элемента всегда имеют практическое или социальное значение и символический аспект. Например, в пункте «а» священная трава, собранная женщинами, дается как еда для духа кита. И они танцуют для него. Итак, мы можем сказать, что эти танцы исполняются людьми (здесь – женщинами) только для духов. Приготовление пищи

женщинами тоже предназначается для духов. В пункте «б» женщины и охотник дают пищу, которая готовилась долгое время духам белого кита и также для хранителей дома. И женщины снова танцуют, но уже с масками, так как они боятся встретиться со злыми духами. И только после того, как дана пища духам, жители начинают есть.

Эти пункты, которые я выделил, подталкивают нас задать следующие вопросы и сделать некоторые сравнения:

1. Мы можем увидеть, что в этом празднике соприкасаются семейное и домашнее направления с общественным направлением. И так, мы можем попытаться увидеть, всегда ли так в праздниках морских коряков или нет? И когда мы это поймем, то можем попытаться увидеть, какая часть имеет семейное направление в ритуале, а какая часть – общественная (сельская). И попытаться понять, как эти два направления сочленяются между собой (например, как это происходит в празднике «Ололо» в с. Лесная).
2. Мы подчеркнули важность пищи. Мы могли бы спросить (Иохельсон сделал это, но я думаю, что мы можем сделать это точнее), кто готовит еду, какая пища хороша для тех или иных духов и почему? Вопросы могли бы быть следующие: «Что духи едят?», «А что, по сравнению с ними, едят люди?». Мы можем попытаться составить общую типологию продуктов питания, которая подается на праздниках морских коряков. И эта типология считалась бы с различными уровнями ритуала.
3. И, наконец, мы можем попытаться проанализировать танцевальное исполнение во время ритуала. Как? Обычно в антропологических исследованиях по танцам ударение ставится на социальных аспектах (кто танцует с кем и почему). Отражает ли танец социальные отношения, например, иерархию в селе и т. д. Антропологи забывают обычно выделить символическое значение танца. Я думаю, что Иохельсон начал делать этот анализ, описав с большой точностью движения женщин на морском берегу во время встречи белого кита. К сожалению, он не дает анализа хореографии танца (как это сделано позже русским этнографом Жорницкой в описании шаманских танцев). Но Иохельсон, тем не менее, показал путь, по которому следует дать объяснение танцам.

Я думаю, что мы могли бы после столетних исследований продолжить работу Иохельсона, используя современные методы культурной антропологии. Это значит, мы могли бы попытаться понять: что значит танец, что означают танцевальные движения,

исполненные людьми (здесь – морскими коряками), кто исполняет их. Другими словами, как они танцуют и как они представляют себе собственный танец, их собственное исполнение.

И последнее, мы могли бы попытаться связать все вместе и осветить различные аспекты ритуальных исполнений.